

Запястье Чу Шао Яна начало скрипеть от силы, с которой его сжимал Мо Чуань, но он ничего не сказал. Его взгляд был холодным, а в голосе слышалась злость.

«Император хочет воспользоваться своей властью чтобы отобрать женщину министра, точно так же как он украл и сам трон, который должен принадлежать мне! Хорошо, вы можете убить меня если хотите. После моей смерти она станет вашей! Если я умру, то император сможет спокойно сидеть на своем троне!»

Он десять лет держал в себе эти слова и наконец он их сказал. У него на сердце стало спокойнее.

Даже если он лишится за это головы, ему было все равно.

Возможно он тоже слишком много выпил и вино дало ему смелости сказать то, что сидело глубоко в его сердце.

«Чу Шао Ян!», в груди Мо Чуаня горела ярость. Его голова начал гудеть, вино сделало свое дело, он мог свободно говорить то что хотел.

«Если ты хочешь трон, то я отдам его тебе! Если ты хочешь быть императором, то пожалуйста, я ничего не хочу, я просто хочу ее!»

Услышав это Чу Шао Ян был ошеломлен. Он начал тихо смеяться.

«Император, в вашем сердце она важнее трона? Вы готовы совершить такой обмен? Я вижу выгоду, но такой же как вы. Я не люблю свою страну...я люблю ее!», он начал смеяться и из его глаз полились слезы.

Императорский трон? Дело не в том, что он его не хотел. Но он знал, что пока жива вдовствующая императрица Чжоу не наступит того дня, когда он сможет сесть на трон.

«Если ты действительно любишь ее, тогда ты должен относиться к ней правильно и не вредить ей!», прошипел Мо Чуань. Когда он увидел, что она не волновала Чу Шао Яна, его сердце разрывалось на части.

Он относится к этой девушке как к сокровищу, даже не осмеливаясь прикоснуться к ней, а она попала в руки Чу Шао Яна. Он увидел, что он не заботится о ней и не дорожит ей. Так зачем он держал ее возле себя?

«Я скажу то же самое. Она моя принцесса, если она будет предана мне, то я буду ее баловать и оберегать, но, если она будет рядом со мной, но при этом думать о другом мужчине, я ее не пощажу. Я не позволю ей стать неверной!»

Мо Чуань стиснул зубы. Он хрипло сказал: «Чу Шао Ян!»

Чу Шао Ян улыбался, но его глаза были полны холода и жестокости. Он улыбнувшись сказал: «Если кто-нибудь посмеет назвать ее по имени, я буду ломать ей пальцы, один за другим! Если кто-то и дальше продолжит так звать ее, то я переломаю все ее тонкие пальчики. А когда у нее не останется пальцев, у нее еще будет это прекрасное лицо. Я люблю ее, но если ее сердце изменит мне, я вырву ее сердце и скормлю собакам!»

«Как ты смеешь!», в ярости взревел Мо Чуань. Он схватил Чу Шао Яна за шею. Он не мог дышать от такой сильной хватки, его лицо стало сначала красным, а потом фиолетовым.

Но улыбка так и не исчезла с лица Чу Шао Яна, и его глаза, наполненные ненавистью, продолжали смотреть на Мо Чуаня.

«Я убью тебя прямо сейчас!», глаза Мо Чуаня покраснели. Его рассудок был убит яростью и вином. В таком гневе он думал лишь об убийстве.

Шея Чу Шао Яна начала хрустеть, но он по-прежнему не отводил взгляда. Казалось, что он презрительно смотрел на него и в его взгляде читалось: «Убей меня, убей и она твоя».